

Николашин В. П. «Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни (1921 — середина 1920-х годов) / В. П. Николашин, П. В. Ерин, Э. В. Гатилов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 403—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430.

Nikolashin, V. P., Erin, P. V., Gatilow, E. V. (2023). "Postantonovism" as a Special Stage in Development of Tambov Village (1921 — Mid-1920s). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 403-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430

**«Постантоновщина»
как особый этап развития
тамбовской деревни
(1921 — середина
1920-х годов)**

Николашин Вадим Павлович¹
orcid.org/0000-0002-3595-8556
доктор исторических наук
nikolashin.vadim@yandex.ru

Ерин Павел Викторович²
orcid.org/0000-0003-0674-5962
кандидат исторических наук
erin1987@mail.ru

Гатилов Эдуард Вячеславович³
orcid.org/0000-0002-4234-4333
кандидат исторических наук
gatilow.e@yandex.ru

¹ Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

² Мичуринский государственный
аграрный университет
(Мичуринск, Россия)

³ Липецкий государственный
технический университет
(Липецк, Россия)

**“Postantonovism”
as a Special Stage
in Development of Tambov
Village (1921 — Mid-1920s)**

Vadim P. Nikolashin¹
orcid.org/0000-0002-3595-8556
Doctor of History
nikolashin.vadim@yandex.ru

Pavel V. Erin²
orcid.org/0000-0003-0674-5962
кандидат исторических наук
erin1987@mail.ru

Edward V. Gatilow³
orcid.org/0000-0002-4234-4333
кандидат исторических наук
gatilow.e@yandex.ru

¹ Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
(Tambov, Russia)

² Michurinsk State
Agrarian University
(Michurinsk, Russia)

³ Lipetsk State
Technical University
(Lipetsk, Russia)

© Николашин В. П., Ерин П. В., Гатилов Э. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается общественно-политическое положение тамбовской деревни в последние месяцы антоновского восстания и в период после его завершения. Конфликт, сформировавшийся к 1920 году, не был урегулирован и принял форму вооруженной борьбы, создал условия для развития «социального бандитизма». Ко второй половине 1921 года деревня «признала» силу за большевиками, но по-прежнему жаждала свободы от жесткой налоговой политики, мобилизаций и т. д. В 1923 году происходит поступательное «умиротворение» крестьянства. Начинается перерастание «социального бандитизма» в «уголовный бандитизм». Число преступлений «против Советской Республики и порядка управления» сокращается, начинают преобладать имущественные преступления. Это обуславливалось улучшением социально-экономического положения крестьянства после урожая 1922 года. Несколько десятков тысяч антоновцев и их семьи из-за гибели родственников, из-за пребывания в концентрационных лагерях, из-за конфликтных взаимоотношений в своих селах с соседями еще долго ощущали последствия восстания. На другом полюсе были семьи убитых повстанцами большевиков и советских работников, оказавшиеся в тяжелом экономическом положении. Представители противоборствующих сторон находились в упадке, апофеозом которого стал голод 1922 года. Для реставрации дестабилизированного местного социума требовались поступательные шаги со стороны власти.

Ключевые слова:

антоновщина; Тамбовское восстание; крестьянство; деревня; социальный бандитизм; повстанцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The socio-political situation of the Tambov village in the last months of the Antonov uprising and in the period after its completion is studied. The conflict, which had formed by 1920, was not resolved and took the form of an armed struggle, created the conditions for the development of “social banditry”. By the second half of 1921, the village “recognized” the strength of the Bolsheviks, but still longed for freedom from harsh tax policies, mobilizations, etc. In 1923 there was a progressive “appeasement” of the peasantry. The development of “social banditry” into “criminal banditry” begins. The number of crimes “against the Soviet Republic and the order of government” is declining, and property crimes are beginning to predominate. This was due to the improvement in the socio-economic situation of the peasantry after the 1922 harvest. Several tens of thousands of Antonovites and their families, because of the death of relatives, because of their stay in concentration camps, because of conflict relations in their villages with their neighbors, felt the consequences of the uprising for a long time. At the other extreme were the families of the Bolsheviks and Soviet workers killed by the rebels, who found themselves in a difficult economic situation. Representatives of the opposing sides were in decline, the apotheosis of which was the famine of 1922. For the restoration of the destabilized local society, progressive steps were required on the part of the authorities.

Key words:

antonovism; Tambov uprising; peasantry; village; social banditry; rebels.

«Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни (1921 — середина 1920-х годов)

© Николашин В. П., Ерин П. В., Гатилев Э. В., 2023

1. Введение = Introduction

Кризисные явления в сельском хозяйстве в 1918—1921 годах стали следствиями Гражданской войны и целого ряда факторов, имевших объективный характер. Так, на территории, контролируемой Советской властью, особенно тяжело сказывались продразверстка, мобилизации, жесточайшая борьба с дезертирством, насильственное насаждение коллективных хозяйств, злоупотребления местных властей, а также недород и голод 1920—1921 годов. Все это вело к росту социального напряжения. Ключевой же причиной возникновения «антоновщины» все же стало экономическое положение деревни и ограниченность ресурсов, на которые претендовали как деревня, так и государство.

Сегодня все больше в научный оборот входит термин *Тамбовское восстание*, а не *антоновщина*, так как последнее выглядит как уничижительное наименование данного явления со стороны победителей и подразумевает тенденциозность в освещении. Глубокий анализ тематики «Тамбовского восстания» позволил рассмотреть этот процесс более широко, так как ряд общественно-политических, военно-мобилизационных мероприятий не находились под непосредственным контролем А. С. Антонова. В частности, последний не организовывал само выступление, оно вспыхнуло стихийно. Кроме того, А. С. Антонов полностью не контролировал ход восстания и многие отделения Союза трудового крестьянства (СТК), так же как и повстанческие отряды, действовали самостоятельно. И. А. Анфертьев подчеркивает, что «власть ... дискредитировала лидеров крестьянства. Например, 25 июня 1921 года Каменеву и Бухарину предстояло переговорить с Держинским и обязательно подготовить к публикации материал о связи эсеров с руководителем Тамбовского восстания Антоновым, и это в то время, когда деятели эсеровской и левоэсеровской партий считали «антоновщину» движением полубандитским [Анфертьев, 2016, с. 103].

Примененный в названии термин не предполагает оценочных суждений и позиции автора, а исходит из существующих в историографии подходов. В настоящее время в научной литературе уже закрепился термин *предантоновщина*, который ввел в научный оборот О. Г. Шадский в рамках подготовки диссертационной работы на тему «Советская власть и кре-

стьянство Тамбовской губернии (лето 1918 — лето 1920), “предантоновщина”». Таким образом, термин *постантоновщина* является продолжением взглядов, существующих в историографии.

В контексте существующей научной традиции необходимо отметить, что исследователи в различные периоды, изучая антоновское восстание, чаще всего в качестве объекта анализа выбирали события военно-политического характера 1920—1921 годов или же, изучая события в деревне, переходили к анализу проблематики НЭПа. При этом тема сглаживания общественно-политических, социальных противоречий в деревне оказывалась за рамками многих работ.

Деятельность советской власти, направленная на нивелирование, выравнивание общественных потрясений, требует специального изучения. На данном фоне опыт, приобретенный большевиками в «постантоновский период» на территории Тамбовщины, является во многом уникальным. Здесь в «крестьянской», «православной» губернии наиболее рельефно представлены самые разнообразные последствия восстания, и именно на их примере может быть подробно изучена механика разрешения социального внутрирегионального кризиса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография проблемы общественно-политического развития тамбовской деревни после восстания 1920—1921 годов в настоящее время развивается. В ряде исследований достаточно широко рассмотрены различные аспекты завершающей стадии подавления Тамбовского восстания и их последствия [Radkey, 1976; Есиков и др., 1993; Парахин и др., 2021].

В историографии представлены отдельные, более узкие темы поднятой проблематики. В частности, это особенности борьбы с бандитизмом после завершения восстания [Захарцев, 2022], судьба семей, члены которых выступили на стороне повстанцев [Болтнев, 2017], влияние восстания на детей, особенности трансформации детского и подросткового знания и сознания в данных условиях [Щербинин, 2017] и ряд других. В сборниках «“Атаманщина” и “партизанщина” в Гражданской войне» содержится целый ряд статей, описывающих ход Тамбовского восстания и его последствия [«Атаманщина» ..., 2015; «Атаманщина» ..., 2019]. Также опубликован обзор региональных источников по изучаемой теме [Николашин, 2022].

В целом существуют отдельные лакуны в историографии изучаемой проблематики, требующие более глубокого изучения. Это позволит подготовить обобщающую работу по проблеме развития тамбовской деревни после восстания.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных (архивных) документов, позволяющих достаточно подробно проанализировать особенности общественно-политического развития тамбовской деревни в 1920-е годы.

Ряд документов опубликован [«Антоновщина»..., 2007], другие введены в научный оборот впервые. К последней группе документов необходимо отнести материалы Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, представленные фондами Тамбовского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1], Козловского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1], Кирсановского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1.], а также Государственного архива Тамбовской области, это фонд Тамбовского губернского революционного трибунала [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2].

Ряд материалов был выявлен в периодической печати [Известия ..., 31 июля 1921].

Методология исследования базируется на синтезе основных подходов современной социальной истории. Также была использована система методов исторического исследования, основанных на принципах историзма, объективности и системности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Феномен «социального бандитизма» в тамбовской деревне

Завершение крестьянского восстания не произошло «одномоментно», в первые дни после его подавления, не залечило социальные раны, не решило экономические проблемы. До середины 1920-х годов в тамбовской деревне сохранялись антагонисты советской власти из числа тех, кто ей активно противостоял в 1920—1921 годы. Зачастую это были те, кого большевики и (длительное время) советские историографы называли «бандитами». Именно поэтому одним из центральных сюжетов данной проблематики является борьба с «социальным бандитизмом», одновременно выступающим широким общественным явлением, имеющим как антисоветские корни, и являющимся последствием экономических потрясений и общественных девиаций. Все эти процессы послужили причиной возникновения социального явления «бандитизм». Именно под таким названием последствия постантоновщины и входят в историографию первой половины 1920-х годов. Например, в сборнике «Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии» в 1923 году отмечалось: «В октябре 1920 года в Токаревском районе работа по сбору продразверстки шла полным темпом. Это послужило к развитию бандитизма...» [Жиркунов, 1923, с. 103].

Необходимо выделить «социальный бандитизм» как общественное явление, наиболее близкое по содержанию к объекту исследования, ассоциирующемуся у большевиков с антисоветским движением и подлежавшему подавлению, искоренению в крестьянском сознании. При этом в настоящее время в историографии сохраняется в качестве эпитета данного явления термин «политический бандитизм» как продолжение советской историографической традиции (который в свою очередь опирается на терминологию советских политработников времен Гражданской войны: именно так они называли противников советской власти). Термин же «социальный бандитизм» базируется на устоявшихся традициях современного крестьяноведения.

В действительности, как отметит С. В. Ещин, «в одном из своих докладов сами чекисты признавали тот факт, что грань между “бандитизмом” и “крестьянским движением” определить затруднительно. Кроме термина “политический бандитизм” в сводках ЧК часто употреблялись выражения: “повстанческое движение”, “кулацкий мятеж”, “банды” и т. д.» [Ещин, 2012, с. 624].

«Социальный бандитизм» уходил корнями в жестокость большевиков по отношению к крестьянству в ходе продразверстки, борьбы с дезертирством, а также обуславливался глубинными социальными трансформациями в деревне под влиянием Первой мировой войны, революционных событий, социодемографических процессов, «земельного голода» и др. При этом советская власть аргументировала свою безжалостность в ходе продразверстки угрозой голода многим миллионам жителей страны и необходимостью одержать победу в Гражданской войне. В этих условиях «большевистская идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насильственного изъятия хлеба как “кулацкие”, а попытки вооруженного сопротивления как “бандитизм”» [Васильева и др., 2012, с. 52].

Распространение «социального бандитизма» в Тамбовской губернии происходило на фоне недовольства жителей деревни советской налоговой политикой и другими шагами большевиков, затрагивавшими их глубинные экономические интересы. Мощное социальное напряжение конвертировалось, в частности, в энергичное содействие крестьянства движению дезертирства. В целом же дезертирство как фактор, повлиявший на стабильность местного социума, необходимо рассматривать как широкое социальное явление, проистекавшее из нежелания крестьян участвовать в Гражданской войне ни за одну из противоборствующих сторон. Деревня стремилась реализовать собственные интересы и, самое главное, сокровенную мечту о «земле и воле».

Феномен «социального бандитизма» необходимо рассматривать через призму общественных девиаций, вызванных событиями на фронтах Пер-

вой мировой войны. «В Тамбовской губернии, как и всюду в России, война и революция произвела глубокие сдвиги в структуре и психологии общества. Массы людей, выбитых из привычного уклада жизни, но усвоившие психологию “человека с ружьем”, представляли собой питательную среду для всякого недовольства. Более трети мужчин из тамбовской деревни побывали в армии и вернулись домой с решимостью действовать по-своему и с оружием. В тамбовских лесах уже в 1918—1919 гг. скрывались десятки тысяч “зеленых” и дезертиров, уклонявшихся от военной мобилизации» [Васильева и др., 2012, с. 52].

Для советской власти было наиболее опасным отрицание взбунтовавшимся крестьянством сложившихся правовых норм и общественных институтов в сочетании с претензией на тотальный контроль экономических и политических ресурсов на местах. Вооруженный ответ деревни на давление государства стал реальной угрозой не только нормальному функционированию, но и существованию советских политических институтов. Именно поэтому для ЧК ключевой задачей являлось выявление состава участников крестьянских выступлений, а также определение причин аграрных движений. Голод, дефицит товаров «из города», стремление уклониться от участия в Гражданской войне усиливали антисоветское движение. Роль государства в организации продовольственных отрядов, отрядов по борьбе с дезертирством углубляла антагонизм деревни и советской власти.

«Военный коммунизм» с его реквизициями, отменой товарно-денежных отношений для крестьян был неприемлем. Большевики мешали экономическому развитию их хозяйств, вызывая раздражение своими действиями. В этих условиях в черноземной деревне стали возникать спонтанные бунты, акты насилия и жестокости против агентов режима, вылившиеся в итоге в «антоновское» восстание. «Антоновский бунт», по мнению тамбовских историков С. А. Есикова и В. В. Канищева, стал «попыткой Союза трудового крестьянства и других повстанческих органов осуществить альтернативу НЭПу» [Демографические и экологические проблемы ..., 2010, с. 149].

3.2. Особенности развития деревни после восстания и действий советской власти по умиротворению крестьянства

Конфликт, сформировавшийся к 1920 году в тамбовской деревне, не был урегулирован и принял форму вооруженной борьбы. Спираль насилия стала быстро раскручиваться как со стороны большевиков, так и со стороны повстанцев, и, по сути, массовые жертвы с обеих противоборствующих сторон и жестокость привели к необратимым процессам, когда раскол деревни стал неизбежным. Для подавления восстания достаточно было нескольких месяцев, для «умиротворения» сел, общин, соседних дворов требовались годы, так как семьи с обеих противоборствующих сторон теряли

родственников, зачастую кормильцев, и при этом знали или догадывались о причинах и условиях их смерти и тех лицах, кто способствовал этому. Зачастую это были соседи, односельчане.

Для возвращения большевиками контроля над территориями, где действовали повстанцы (прежде всего это волости Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов) нужно было не только применить целый набор экономических и неэкономических мер, но и добиться некоторого доверия от крестьян. Отчасти этому способствовали естественные границы той территории, где оперировали антоновцы. «Узость» экономической базы была одним из важных ограничителей развития повстанческого, антисоветского движения. «Бандиты в первое время у крестьян не брали (продовольствие, фураж, лошадей. — В. Н.), а грабили совхозы. Это обстоятельство служило агитационным козырем, для бандитских главарей и располагало к ним крестьян» [Богомолкин, 1923, с. 93], в то время как советские формирования, напротив, пополняли ресурсы напрямую у крестьян и при этом старались сохранить материальную базу советских хозяйств. «Именно этим и создавалось впечатление, что Антонов “спасает”, а мы грабим крестьян», — резюмировал в своей статье участник подавления восстания Богомолкин [Там же, с. 94]. Однако к началу 1921 года количество антисоветских участников восстания достигло 20 тысяч человек [Там же], а совхозы и ссыпные пункты были разграблены, потребность в ресурсах резко возросла. Именно в этот период антоновцы «привыкшие к грабежу совхозов, перенесли эти “действия” на крестьян: в начале грабили красноармейские семьи и семьи советских работников, а потом пошли подряд» [Там же]. Здесь необходимо выделить, что грабеж семей большевиков и советских работников встречался достаточно часто в том случае, если глава семьи убивался антоновцами. Приведем ряд примеров. В удостоверении Кошковой Ольги Дмитриевны из Старо-Калугинского сельского совета села Калугина Курдюковской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии 25 января 1925 года отмечалось, что ее муж, бывший совработник Петр Прокофьев был «убит бандитами в 1920 году 4 сентября, имущество все разграблено бандитами...» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 1179, л. 5]. В Кирсановский укомпарт написала заявление жена убитого члена РКП(б) Андрея Михайловича Редкина Марина Ивановна Редкина из Калугинской волости села Калугино 14 мая 1922 года: «Мой муж боролся с бандой и во время боя был убит в конце сентября 20 года в деревне Коревке и оставил нас на произвол... Кровожадные бандиты и после смерти не давали мне покоя, разобрали у меня все средства производства и ... кусок хлеба. Я до сих пор жила подачками некоторых граждан, которые сожалели меня и мою семью, а в последнее

время я совсем погибала от голода...»[ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 744, л. 23].

В конце весны 1921 года антисоветские формирования, действовавшие на территории Тамбовской губернии, окончательно обнажили свою асоциальность перед крестьянством, производя уже постоянные грабежи всех категорий крестьянских хозяйств. Это создало условия для окончательного слома базиса повстанческих сил в деревне, резко снизило уровень доверия к ним крестьянства. Так, «во время ярового посева бандиты отбирали семена у крестьян. Население просило защиты у Советвласти и к июню месяцу 1921 года оно уже само охраняло советских работников. Организовывались местные добровольческие дружины, главный образом, из демобилизованных красноармейцев. Эти отряды сами вылавливали последние остатки бандитов» [Жиркунов, 1923, с. 105].

Период постанововщины был связан с острым недостатком тягловой силы, о чем сообщалось в советских спецсводках. И это же становилось одной из важных причинах ненависти крестьян к бывшим повстанцам, так как последние уже в заключительный период восстания достаточно часто отбирали лошадей у крестьян. Отметим, что кража лошадей считалась в деревне одним из самых тяжелых имущественных преступлений. Подобные акты только усиливали антагонизм деревни и преступных групп. В докладе уполномоченного Тамбовского губотдела госполитуправления по Кирсановскому уезду о политэкономическом состоянии Кирсановского уезда от 1923 года отмечалось, что «самою главною болью является недостаток лошадей, вследствие чего в некоторых волостях крестьяне не в состоянии будут обсеменить яровой клин, как например в Паревской, Балыклейской и др. вол.» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 906, л. 66]. Кирсановский уком РКП(б) сообщал в Тамбовский губком 1 сентября 1922 года, что крестьянство южной части Кирсановского уезда потеряло 80 % «конского состава» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 7].

Лошади были не только важнейшим звеном в производственной системе крестьянских хозяйств, но и стратегическим ресурсом в антоновском восстании. На «внутреннем театре» боевых действий, без привлечения извне крупных вооруженных, моторизованных формирований, по сути, происходило перераспределение коней из гражданской сферы, области агропроизводства в военный сегмент. Так, в протоколе № 19 заседания Рассказовского райревкома от 17 апреля 1921 года отмечалось, что «положение в Рассказове с транспортом было всегда тяжелое, в настоящее же время благодаря налету банды Антонова и уходу лошадей с фабрик положение стало катастрофическое. Все Рассказово насчитывает в настоящее время максимум 130 подвод у граждан тогда, как в настоящее время для фабрик

требуется ежедневно не менее 100 подвод, необходима срочная отправка спирта по нарядам губернии, подвоз топлива и массовая мобилизация лошадей для военных целей. Тов. Топильский говорит, что на проводимых сегодня митингах крестьянство, охотно идя за Советвластью, единогласно и настойчиво указывает на слабость власти в проведении стройной мобилизации, что назначаемые в наряды от них уклоняются и что благодаря этому некоторым приходится нести наряд к ряду несколько дней, что красноармейцы мобилизуют лошадей в поле, чем чрезвычайно мешают правильному севу, что красноармейцы прибегают даже к самовольному отобранию лошадей и уводу их в свои части» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 4]. Таким образом, важнейшим ресурсом как в военном противостоянии, так и в восстановлении крестьянских хозяйств в постантоновский период ведущую роль играл фактор обеспеченности лошадьми.

Тамбовское восстание раскрыло целый комплекс противоречий, формировавшихся годами. И для его завершения требовалось со стороны власти применение силы. Это отмечали и сами крестьяне. Так, в отчете из Рассказовского района Тамбовской губернии от 6 августа 1921 года представлено мнение Пичерских крестьян: «Они говорят вы докажете свою силу, тогда к вам придем, а пока у вас нет сил, то [к] вам никто не пойдет. Если вы были сильны, то давно усмирили [бы] нас» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 1]. Альтернативы силовому сценарию подавления антоновского восстания к 1921 году не было, но такое развитие событий вело к дальнейшему углублению социально-психологических, общественно-политических противоречий и травм среди различных крестьянских групп. Иллюстрацией к данному тезису может послужить описание одного из мест, где происходила схватка между противоборствующими сторонами. 29 апреля 1921 года Рассказовский райревком сообщал в Тамбовский угоркомпарт и отдел управления Тамбовского уисполкома о том, что «в окрестности деревень лежит масса неубранных трупов. Некоторые из них изъедены собаками» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 7]. Еще более глубокую травму в памяти крестьян оставляли концентрационные лагеря, где в качестве заложников оказывались не только мужчины, но и женщины, старики, дети.

Переход деревни на сторону большевиков был обусловлен не только применением более мощной вооруженной силы, но и некоторыми налоговыми послаблениями власти, приходом посевной кампании, которая дисциплинировала крестьянина и требовала от него большого внимания к сельскохозяйственным работам. Повстанческое движение как социальное явление ограничивало хозяйственную деятельность «мужика». Например, 29 апреля 1921 года рассказовский райревком сообщал в Тамбовский угоркомпарт и отдел управления Тамбовского уисполкома, что «поля под

Пичером близлежащие к селу все засеяны овсом и картофелем, дальние поля оставлены под просо. Крестьянство надеется их засеять» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 7].

Повстанческое движение ограничивало экономическое развитие крестьянских хозяйств в зонах особой активности антоновцев, что оказывало негативное воздействие на всю посевную кампанию, в том числе это было связано с нестабильностью и с отсутствием советских институтов, оказывавших консультативную поддержку деревне. Как сообщалось в телеграмме в Тамбовский губчека из Козловского уезда 23 мая 1921 года, «посевная в “бандитских волостях” прошла плохо» [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1, д. 466, л. 5]. 28 мая 1921 года в телеграмме в Тамбовский губчека из того же Козловского уезда отмечалось, что «в тех местах, где царит “бандитизм”, работа протекает слабо...» [Там же, л. 36]. Постепенно крестьянство стало четко осознавать негативное влияние бандитизма на процесс аграрного производства.

В отличие от повстанцев советская власть параллельно с борьбой с «бандитизмом и антисоветскими настроениями» в деревне вела хозяйственную работу. 27 апреля 1921 года, как отмечалось в телеграмме в Тамбовский губчека из Козловского уезда, «половина полей обсеменена [и] овес дает всходы... начали сеять просо... пахота ярового клина продолжается... выдаются добавочные семена, что даст возможность засеять еще 2/3 полей» [Там же, л. 4]. Проблема обсеменения полей была логическим продолжением продовольственного вопроса, который ослабленная гражданской войной деревня не могла самостоятельно решить в полном объеме.

Тамбовские повстанцы проиграли большевикам не только в экономической сфере, в военной стратегии и тактике, по численности, но и в идеологическом пространстве, в области перспектив модернизации экономики и просвещения. Как отмечает участник подавления восстания Богомолкин, «политика Антонова строится не на принципиальных основных вопросах, спасающих положение крестьян, а на самых наглядных, но убедительных для темного крестьянства, — при этом все построено на подогревании (настроений. — *В. Н.*) ... крестьян-собственников» [Богомолкин, 1923, с. 93]. Напротив, большевики обращали внимание на решение бытовых вопросов на местах, на необходимость развития просвещения. В качестве подтверждения данного тезиса представим выдержку из протокола № 17 заседания Рассказовского райревкома от 15 апреля 1921 года. В постановлении предписывалось: «Тов. Манухину выяснить пострадавших от бандитизма, инструктировать и наладить работу райсобеса, инструктировать и проверить работу Рассказовской профкомиссии, приступить к организации дома вре-

менной социальной помощи и выяснить возможность открытия в с. Рассказове Дома призрения — материалы по последнему вопросу представить в Губсобес. Тов. Коржицкий совместно с т. Хрустальевым — инструктирование регулирование работы волнаробраза, выяснение постановки политработы среди войск Рассказовского гарнизона и выяснение политического настроения. Тов. Картавых для работы в местный комхоз, которому получается обратить особое внимание на использование домов и квартир в с. Рассказове, как учреждениями, так и частными лицами» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 2].

Особую роль большевики уделяли культурно-просветительской деятельности. В этом они существенно превосходили повстанцев и закладывали широкий фундамент для дальнейшего развития деревни в постантовский период. Инструменты работы с населением и в ходе восстания и после его завершения были следующими: работа с сельсоветами, партийная деятельность (чистки, взыскания, продвижения, обучение), проведение конференций (в том числе беспартийных), работа с женщинами, деятельность комсомола, агитпропаганда, создание изб-читален и марксистских кружков, деятельность антирелигиозных кружков, кампании по пропаганде ленинизма, организация торжеств в честь 1 мая и дня памяти о Ленском расстреле, различные собрания, клубная работа, партвоспитательная работа в форме кружков самообразования, подготовка в вузы (воскресные школы на рабфаки), агропропаганда, экономические меры (крестьянский заем), печатная пропаганда, кооперативная работа и др. [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 973, л. 5—15].

Для подавления антисоветских настроений советская власть применяла самый широкий спектр инструментов, в том числе и культурно-пропагандистские. Для повышения эффективности борьбы с повстанцами 28 июля 1921 года в Козлове была открыта «противобандитская выставка», «которая содержала много агитационного материала, рисующего все зло бандитизма и, следовательно, необходимости борьбы с ним» [Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета ..., 31 июля 1921 года]. Кроме того, в Козлове издавались специальные газеты, направленные против «бандитизма» [«Антоновщина» ..., 2007, с. 239].

Для иллюстрации масштаба охвата различных волостей Кирсановского уезда повстанчеством приведем систематизированные данные (табл. 1):

Данные, представленные в таблице, позволяют достаточно широко продемонстрировать уровень вовлеченности различных волостей Кирсановского уезда в антоновское движение (табл. 1). Южные волости зачастую становились основными «поставщиками» антисоветских сил. Видимо, цифра учтенных советской властью к 1923 году участников анто-

Таблица 1

Ведомость на участников банддвижения граждан Кирсановского уезда
Тамбовской губернии 1923 года [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 907,
л. 2—2-об]

№	Наименование волости	Количество участников	Осужден	Скрывающихся	Не судимых	Возврат по амнистии	Убитых, умерших и без вести пропавших
1	Боглановская	129	47		47	41	35
2	Богородицкая	7	1		6	1	
3	Богословская	140	67		13	67	60
4	Булыгинская	8	2	2			2
5	Вяжлинская	111	78	11	7	57	15
6	Глуховская	33	10		20	10	8
7	Градо-Уметская	52	19	30	3	18	
8	Золотовская	699	105	63	168		231
9	Иноковская	167	52	49	55	45	11
10	Калугинская	99	36	3	10	86	
11	Карай-Салтыковская	315	124	1	3	80	187
12	Красивская	8	6		2		
13	Курдюковская	414	230		177	110	1
14	Куровщинская	62	50		12	50	
15	Нащекинская	5	5			3	
16	Никольская	87	71		16	50	
17	Паревская	227	70		157	4	
18	Рамзинская	20	16		4	8	
19	Рудовская	146	13	16	54	13	63
20	Соколовская	4	3	1		3	
21	Софьинская	19	4	4	9	1	2
22	Трескинская	123	101	1	21	70	
23	Царевская	403	238	3	162	134	
24	Арбеньевская	56	23			23	33
25	Инжавинская	53	13				
26	Чернавская	89	40		10	40	39
27	Балыклейская	13	7			7	6
28	Осино-Гаевская	703	425		128	399	142
29	Пересыпкинская	230	111	3	18	20	98
30	Ржаксинская	193	160			141	43
31	Вячкинская	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 1

№	Наименование волости	Количество участников	Осужден	Скрывающихся	Не судимых	Возврат по амнистии	Убитых, умерших и без вести пропавших
32	Кобяковская	—	—	—	—	—	—
33	Васильевская	—	—	—	—	—	—
34	Пригородно-Слободская	—	—	—	—	—	—
35	Калаисская	—	—	—	—	—	—
36	Оржевская	—	—	—	—	—	—
37	Ирская	—	—	—	—	—	—
	Итого	4566	2439	197	234	1721	378

новского движения — 4566 — является неполной, так как по некоторым волостям нет информации, а также сам факт включения в число «бандитов» имел в ряде случаев субъективный характер. Кроме того, по нашему мнению, среди участников восстания можно выделить две крупные социальные группы: активные и пассивные участники. К первой относились те, кто открыто выступил с оружием против большевиков, ко второй — члены семей антоновцев, «сочувствующие» восстанию и группы лиц, глубоко «оскорбленные» действиями большевиков в 1918—1920 (накануне крестьянского выступления, в период предантоновщины). Обе группы после подавления восстания оказались подвержены как репрессиям (в открытой и скрытой форме), так и морально-этическому давлению со стороны местных сообществ. Именно в данной плоскости и разворачивались глубокие «постантоновские» противоречия, находившие существенный резонанс во внутридеревенских столкновениях.

Таблица 1 содержит информацию о численности еще скрывавшихся в 1923 году бывших повстанцев, что демонстрировало сохранявшиеся в их среде антисоветские настроения, страх наказания, а также их моральную поддержку со стороны родственников. На данном фоне выделяются Золотовская и Иноковская волости, где еще скрывалось соответственно 63 и 49 крестьян.

Соотношение несудимых и возвратившихся из мест заключений после отбывания наказания по волостям разнилось. Например, несудимых в Золотовской волости было 168, а возвратившихся по амнистии не было. Напротив, в Иноковской волости несудимых было 55 крестьян и имелось сопоставимое по численности вернувшихся по амнистии — 45 человек. В Ржакинской волости 141 повстанец вернулся по амнистии, но здесь не

было зафиксировано судимых. По численности умерших, погибших и пропавших без вести в Кирсановском уезде выделялись Золотовская и Карай-Салтыковская волости, где данный показатель составил соответственно 231 и 187 человек. По-видимому, такую палитру положений на местах обусловливали накал борьбы и вовлеченность различных населенных пунктов в антисоветскую борьбу. Также необходимо расценивать значительную долю возвращавшихся по амнистии ранее осужденных антоновцев как подтверждение лояльного отношения советской власти к своим бывшим антагонистам.

Сам факт возвращения в родные деревни отбывших по суду наказание повстанцев не всегда приводил к их бесконфликтному, мирному включению в гражданскую жизнь. Ответственный секретарь Кирсановского укома РКП(б) Дыренков в письме за сентябрь 1922 года в Тамбовский губком РКП(б) сообщал, что был отмечен «случай расстрела одного бандита членом РКП на почве мести. Укомом было дано указание местам о недопущении подобных явлений» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 8]. Этот факт свидетельствует о сохранявшихся в тамбовской деревне в первые месяцы после завершения восстания острых противоречиях.

Пожалуй, одним из важнейших последствий антоновского восстания стал голод. К лету 1922 года в ряде волостей Тамбовской губернии питалось суррогатами более половины населения. Мы предлагаем данный процесс рассмотреть как системное явление, включающее в себя как возвращение из концентрационных лагерей бывших повстанцев, так и состояние здоровья населения, общественно-политическое положение деревни на примере одной из волостей Кирсановского уезда. Данную информацию удалось агрегировать по сводкам № 1—12 по Иноковской волости за период с 1 января по 10 июля 1922 года и представить в таблице 2:

В качестве объекта исследования была выбрана Иноковская волость, которая являлась родиной одного из руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии Петра Михайловича Токмакова, и здесь особенно активно проявляли себя антоновцы. Именно на примере данной волости можно достаточно глубоко изучить динамику общественно-политических настроений крестьянства, событий.

Материалы, представленные далее (табл. 1), свидетельствуют о том, что, несмотря на углубление экономического кризиса, после подавления восстания и развития голода население в целом негативно воспринимало бывших антоновцев и не рассматривало возможности новых выступлений против советской власти. Возвращение из заключения бывших повстанцев не изменяло социальный баланс в деревне. При этом крестьяне по-прежнему негативно оценивали советскую налоговую политику.

Таблица 2

Динамика общественно-политического положения и развития голода в Иновской волости
Кирсановского уезда Тамбовской губернии с 1 января по 10 июля 1922 года
[ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 741, л. 36, 38, 39, 39-об, 41, 41-об,
42, 43, 43-об., 45, 45-об, 46, 47, 47-об., 48, 49, 50, 51, 52, 52-об]

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет		
С 1 января по 21 февраля	195	240	2	11	1587	240	Вернулось из мест заключения 15 активных бандитов. По слухам, часть из них погибла в боях с Красной армией. Заложников из семей бандитов — 150 человек.	«Антисоветского элемента в волости имеются»: семьи бандитов, их родственники. Преданных советской власти ½ населения. Отношение населения к местной власти неудовлетворительное, так что случаются «некоторые нетодования». На почве голодовки выполнение продналога и трудужналога очень слабо. Происходят кражи скота и остатков хлеба друг у друга. Особых выдающихся событий не замечено.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет		
21—28 февраля 1922 года	3195	240	1	0	1587	240	Вернулось из мест заключения актив-ных бандитов 3	Большинство семей доедают последние остатки суррога-тов. Вернулось осужденных за бандитизм — 3 человека. Население к ним в боль-шинстве своем относится злобно, но особенных тече-ний не замечается. Местная власть ведет за ними надзор. На почве голода население ни к чему не приходит. Со-брания, митинги посещает весьма малая часть населе-ния. Особенных неудоволь-ствий не проявляется, но выполнение государствен-ных налогов очень слабое и с неудовольствием («Мы слабы и у нас нечего есть и также не на чем ехать»). Транспорт в волости раз-битый: всего по волости более пригодно к работе скота не более 150 лошадей, остальные заражены чесот-кой и другими болезнями из-за плохого питания по причине отсутствия фуража.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет		
С 1 по 13 марта	Более 300	Более 400	1	3			—	—
14—20 марта	Около 3000	До 500	2	1	Более 2000 взрослых и детей, целыми семьями		Из заключения вернулись одна женщина-заложница (арестованная за сына бандита, который так и не явился для сдачи), а также мужчина.	Большая часть населения доедала последние остатки запасенных суррогатов (кору дуба, солому, ольху и др.). Для обсеменения полей семена оставались «очень у редких граждан».
С 20 марта по 4 апреля	3000	500	1	1	Более 2000 взрослых и детей, целыми семьями		Из заключения вернулось 9 бандитов.	У ряда семей закончились суррогаты для питания, у некоторых их не имелось. Население высказывает недовольство по отношению к бандитам за то, что они уничтожили весь рабочий скот. Выполнение общегосударственного налога и продналога крестьяне затягивают.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет		
С 24 апреля по 9 мая	Более 4000	До 2000	5	4	Более 1000	Детей до 16 лет	1 человек в д. Тихвинка	Есть опухшие от голода, развивается сыпной тиф. Население к бандитским семействам относится не очень доброжелательно. На почве голода население ни к чему не приходит. Сдача продналога и общегосударственного налога совершенно остановились. От содержания служащих волостных и сельских советов из местных средств население отказалось. Также стала отмечаться слабая работа у некоторых служащих волостных и сельских работников. В ночь с 6 на 7 мая в поле в 15 верстах от волости неизвестными двумя вооруженными лицами у гражданина с Иноковки была отобрана лошадь с упряжью и всеми семенами.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет		
С 9 мая по 31 мая	Более 5000	Более 2000	7	4	Около третьей части всего населения	Детей до 16 лет	Вернулось два заложника	Выступлений против советской власти нет.
С 1 по 13 мая	Более 6000	Более 3000	4	4	Около третьей части всего населения, большинство опухшие.		Вернулся активный бандит Квасов Федор Осипов	Население относится к бандитам негативно, у последних нет сторонников и поддержки, кроме их семей. Выступлений против советской власти нет.
С 13 по 20 июня	Более 6000	Более 3000	1	—	Около третьей части всего населения, почти все опухшие		Вернулось из мест заключения 5 амнистированных	Активных выступлений бандитов не замечается. Выступлений против советской власти нет.
С 21 по 27 июня	Более 6000	Более 3000	6	3	Около 9000, почти все голодающие			Агитации на почве голода нет.
С 28 июня по 10 июля	Около 75 % населения волости						5 бывших бандитов	В лесу обнаружен один дезертир. Выступлений против советской власти нет.

3.3. Особенности трансформации «социального бандитизма» в форму «уголовного бандитизма» и последствия восстания

Вслед за завершением активной фазы подавления восстания наступил естественный процесс перерастания «социального бандитизма» в форму «уголовного бандитизма». Ряды последних пополняли, с одной стороны, некоторые амнистированные повстанцы (особенно в тех случаях, когда по возвращении их хозяйства оказывались в упадке), с другой — по-прежнему скрывавшиеся в лесах и не оказывавшиеся под арестом, не сдававшиеся антоновцы. Их целью было выживание в тяжелых условиях вдали от своих дворов. В большинстве случаев основными способами получения средств к существованию для них были разбой и грабеж. Для крестьянских хозяйств они не представляли никакого интереса: ни политического, ни экономического. Напротив, имущественные преступления совершались именно по отношению к простым крестьянам. В качестве примера приведем положение в Козловском уезде, где уже летом 1921 года имели место данные явления. Здесь отмечались частые акты грабежа местных жителей рассеянными членами преступных групп. 4 июня 1921 года в телеграмме из Козловского уезда в Тамбовский губчека сообщалось, что в «Булатовском и Хмелевском лесу скрываются шайки бандитов числом десять человек вооруженные винтовками... шайки выходят на дорогу и отбирают у граждан все, что нужно для них...» [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1, д. 466, л. 46].

Также бывшие антоновцы представляли опасность и для советских работников. В сводке № 2 за 22—28 февраля 1922 года по Вячкинской волости Кирсановского уезда описывалась ситуация, когда бежавший из концентрационного лагеря «ярый бандит» Злобин Никита 26 февраля поселился в селе Кавылка. Туда же по производственной необходимости направился волостной ямщик Федор Ивлев и вслед за ним волостной служащий. Злобин избил ямщика, заявляя ему: «Я ярый бандит» [ГАСПИТО, ф. П.-837, оп. 1, д. 741, л. 31]. Затем выхватил револьвер и хотел выстрелить, и лишь уговоры очевидцев остановили бывшего антоновца от убийства. Волостной служащий высказывал предположение относительно того, как развернулась бы ситуация в случае его поездки вместе с ямщиком и очной встречи со Злобиным: «То бы я или он меня застрелил» [Там же, л. 31-об].

Бывшие повстанцы, особенно те, кто до вступления в банду и совершения преступлений не успел найти свое место в жизни, с трудом интегрировались в мирную повседневность. Наиболее остро это проявлялось в первые дни и месяцы после их ареста. Так, в протоколе № 21 от 12 августа 1921 года начальника милиции 7-го района Тамбовского уезда Белова сообщалось, что 9 августа двадцатитрехлетний бандит из села Старое Челинцево Дмитрий Федорович Тарураев по кличке Лодырь доброволь-

но сдася, чтобы «искупить свою вину» [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2, д. 1812, л. 143]. Явившись, он принес с собой винтовку русского образца, а также револьвер системы наган с шестью патронами. Но, «пробыв под арестом около 6-ти часов», он «стал просить, чтоб дали ему отряд в количестве около 30-ти человек для того, чтобы поймать еще шайку, состоявшую по его словам [примерно из]... 15-ти человек во главе с командиром главарем Чернышовым Иваном Ефимовичем» [Там же]. Для этого Турураев стал просить направить отряд с пулеметом. Операция не была проведена. Было установлено, что сам бандит провел в банде девять месяцев и, как выяснилось впоследствии, зверски убил жену коммуниста на его глазах, а затем ограбил его [Там же].

Поступательное «умиротворение» крестьянства к 1923 году стабилизировало общественно-политическое положение тамбовской деревни. Значимую роль в этом процессе сыграл и первый урожай, собранный после завершения восстания. Голод начал отступать. На этом социальном фоне постепенно исчезают преступления, совершавшиеся ранее бывшими повстанцами. И постепенно в сводках милиции «особо опасные для государства и общества» преступления вытесняются бытовыми правонарушениями. Рост числа имущественных преступлений мог быть итогом перерастания «социального бандитизма» в «уголовный бандитизм». Так, уполномоченный губсуда по Кирсановскому уезду 16 апреля 1923 года в докладе о деятельности народных судов и народных следователей по Кирсановскому уезду за период с 1 октября 1922 года по 1 апреля 1923 года характеризует дела, поступавшие в суд, следующим образом: «Большой процент дают имущественные преступления, а в дежурную камеру суда поступают дела преимущественно самогонщиков» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 915. л. 10-об]. В сведениях о движении дел по 1-му, 2-му и 3-му районам Кирсановского уезда с 1 октября по 1 ноября 1923 года преобладали должностные преступления (75) и преступления против имущественных прав (54), по 17 преступлений было зафиксировано по статьям, связанным с противоправными деяниями «против Советской Республики и порядка управления» и «против жизни, здоровья и достоинства личности» [Там же, д. 914, л. 23].

Подобные трансформации, связанные с сокращением преступлений со стороны бывших антоновцев против существующего государственного строя и порядка, видимо, произошли на рубеже 1922—1923 годов. На это могли повлиять и природные условия — зима. Так, в сведениях о движении дел милиции Кирсановского уезда за период с 1 сентября по 1 ноября 1923 года на первом месте по числу преступлений выделялись противоправные деяния по статьям «против Советской Республики и порядка управления» (281), далее расположились преступления «против имущественных

прав» (95), «против жизни, здоровья и достоинства личности» (60), «хозяйственные» (59), «должностные» (39), «нарушение правил охраны здоровья», «общественной безопасности и публичного порядка» (19), «воинские преступления» (3). Всего в этот период было зафиксировано 495 преступлений, то есть доля правонарушения «против Советской Республики и порядка управления» составляла 56,8 % [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 914, л. 21].

Гипотеза о сохранявшихся в тамбовской деревне «проантоновских» настроениях в исследуемый период находит подтверждение и в суждениях некоторых крестьян в 1923 году. Так, в докладе уполномоченного Тамбовского губотдела госполитуправления по Кирсановскому уезду о политэкономическом состоянии Кирсановского уезда сообщалось, что «замечается сожаление некоторых участников бандитизма о том, что граждане плохо помогали бандитам, в результате чего опять власть перешла в руки Советов, а если бы наоборот, то нам бы не пришлось бы вести столько тяжестей причиняемых налогами, таковое суждение распространял среди граждан села Паревки отец бывш[его] ярого бандита — Пьяных. Кроме того, в Паревской волости наблюдается случай взятия из школы детей ввиду не преподавания там закона божьего» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 906, л. 66].

Еще одним важным артефактом, демонстрирующим влияние антоновского восстания на развитие тамбовской деревни и судьбы крестьян в последующие несколько лет, является переписка семей погибших от рук повстанцев большевиков и советских работников с местными органами власти. Вплоть до 1927 года сюда шли обращения с просьбой об оказании им материальной помощи. Так, 2 августа 1927 года председатель комитета Кирсановской страховой кассы Давыдов у Кирсановского укома ВКП(б) просил уточнить информацию о том, «работал ли гр. Власов Ефим Петрович заведующим Вяжлинским совхозом Градо-Уместкой вол. С марта м-ца 1920 года по апрель 1921 года ... по день убийства его бандой на станции Умет» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 1416, л. 2]. Запрос делался по просьбе жены убитого.

В фондах Государственного архива общественно-политической истории Тамбовской области выявлен целый ряд подобных документов за 1922—1927 годы. Это свидетельствует еще об одном важнейшем последствии антоновского восстания, которое не разрешилось «одномоментно», — о положении семей погибших с пробольшевистской стороны. Последние зачастую были главами семей и основными работниками в своих хозяйствах. Об этом же положении сообщал 1 сентября 1922 года Кирсановский уком РКП(б) в Тамбовский губком, отмечая, что «материальное положение членов партии крайне плохое, особенно тяжело положение семей убитых коммунистов...» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 7].

4. Заключение = Conclusions

Мощные социальные сдвиги в начале XX века привели к глубинным трансформациям в традиционных установках, ментальности российского крестьянства. Тамбовская деревня не стала исключением. Наряду с отходничеством, участием в военных действиях на фронтах Первой мировой войны вспыхнувшее восстание стало еще одной ареной столкновения крестьянского традиционализма и ценностей индустриального общества.

Несмотря на охват восстанием целого ряда уездов Тамбовской губернии, ресурсы антоновцев по сравнению с возможностями государства были ограничены. Итогом же (вполне прогнозируемо) стало большое число человеческих жертв и глубоких экономических, ценностно-моральных последствий, репрессии и т. д. И, самое важное, начавшись в августе 1920 года, оно имело длительные негативные последствия, не менее чем в несколько лет (хотя потомки по сей день хранят память об этих событиях): взаимная ненависть формировала целый ряд витков репрессий, которые не завершились периодом подавления антоновского восстания, а вчерашние соседи, односельчане, земляки продолжили взаимную борьбу, что сохраняло социальное напряжение в деревнях, многолетнюю вражду между ними.

В целом же постантоновщина была периодом продолжительностью в несколько лет. В частности, вплоть до 1927 года (согласно сохранившимся в архивах данным) уездные органы власти получали просьбы поддерживать семьи погибших от рук повстанцев членов ВКП(б) и советских служащих. Завершающими «аккордами» в этой драме стали коллективизация и борьба с инкомыслящими в деревне. Однако и эти события не стерли в памяти деревни противоречия, разожжённые в начале 1920-х годов. Только в 1930-х годах после завершения борьбы с инакомыслием в деревне данный вопрос приобрел менее острые социальные оттенки.

Переход к новой экономической политике не мог прекратить противостояние крестьянской общины тамбовской деревни и советской власти, он лишь ослабил протестную волну. Но и силовая операция государства, уничтожив, ослабив и рассеяв ключевой боевой ресурс антоновцев, не привела к полному «умиротворению», уничтожению конфликтности, а лишь создала мощный фундамент для восстановления экономики и общественно-политической жизни. Утвержденный в 1922 году Земельный кодекс РСФСР ознаменовал победу деревни в противостоянии с большевиками. Но это была «пиррова победа». После короткой передышки, которая совпала с «постантоновским периодом» на рубеже 1920—1930-х годов, наступил эпоха коллективизации.

Источники

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. : документы, материалы, воспоминания / Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл. [и др.] ; [сост. : В. П. Данилов и др]. — Тамбов : Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2007. — 772 с. — ISBN 978-5-98662-060-2.
2. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-842, Оп. 1, Д. 321 ; Ф. П-834, Оп. 1, Д. 466 ; Ф. П-837, Оп. 1, Д. 635, 741, 744, 906, 907, 914, 973, 1179,
3. ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1812.
4. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 31 июля 1921.

Литература

1. Анфертьев И. А. Репрессивная политика большевиков в отношении эсеров : крестьянский вопрос в условиях реализации советского социального проекта в 1919 — начале 1920-х гг. по документам Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии РКП(Б)-ВКП(Б) / И. А. Анфертьев // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России : история и современность. Материалы III международной научно-практической конференции. — Брянск : Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2016. — С. 99—106.
2. «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне : идеология, военное участие, кадры : сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО—XXI, 2015. — 856 с. — ISBN 978-5-91022-229-2.
3. «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне : идеология, военное участие, кадры. Атаманы и вожди междоусобицы : сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО—XXI, 2019. — Ч. 1. — 410 с. — ISBN 9785910222879.
4. Богомолкин. Тамбовский Бандитизм (Воспоминания участника борьбы) // Антоновщина : статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. — Тамбов : Издательство Тамбовского Губкома РКП «Коммунист», 1923. — С. 92—96.
5. Болтнев Г. Г. Причины и последствия крестьянского восстания в Тамбовской губернии (через призму судьбы семьи) / Г. Г. Болтнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6—2 (80). — С. 13—16.
6. Васильева Т. В. Страницы истории России : «Антоновщина» как социальный феномен / Т. В. Васильева, К. А. Долгов, А. В. Скрыпников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : исторические науки. — 2012. — № 2 (10). — С. 50—63.
7. Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке : сборник научных статей / М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУВПО «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Науч. совет РАН по ист. демографии и ист. географии ; [отв. ред. : В. Б. Жиromская, В. В. Канищев]. — Москва ; Тамбов : Издательство ТГУ, 2010. — 239 с. — ISBN 978-5-89016-656-2.
8. Есиков С. А. Антоновский нэп. (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920—1921 гг.) / С. А. Есиков, В. В. Канищев // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 69—71.

9. Ещин С. В. Анализ органами безопасности причин крестьянских выступлений и подавление сопротивления крестьянства политике советской власти в годы гражданской войны (по материалам Пензенской губернии) / С. В. Ещин // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского гуманитарные науки. — 2012. — № 20. — С. 623—626.

10. Жиркунов Н. Токаревские коммунары / Н. Жиркунов // Антоновщина : статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. — Тамбов : Коммунист, 1923. — С. 102—105.

11. Захарцев С. Н. Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в РСФСР в 1921—1929 гг. / С. Н. Захарцев. — Санкт-Петербург : Нестор, 2007. — 160 с.

12. Иванов Д. П. «Антоновские» и «неантоновские» села в крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. / Д. П. Иванов // Альтернативы XX века : Россия и мир в поисках идеального сценария исторического развития. — Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета, 2008. — С. 63—76.

13. Николашин В. П. «Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни после крестьянского восстания 1920—1921 гг. По материалам региональных архивов / В. П. Николашин // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 997—1011. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-997-1011.

14. Парахин С. А. Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в борьбе с крестьянским протестом (1918—1922 гг.) / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — № 8. — С. 1574—1578. — DOI: 10.30853/mns210290.

15. Щербинин П. П. “Антоновщина” сквозь призму восприятия детей и подростков : выбор жизненного пути и его последствий в первой четверти XX века / П. П. Щербинин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6—2 (80). — С. 113—115.

16. Radkey O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921 / O. H. Radkey. — Stanford : Hoover Institution Press, 1976. — 457 p.

Material resources

“Antonovshchina”. *Peasant Uprising in Tambov province in 1920—1921: documents, materials, memoirs* / Department of Culture and Archival Affairs of the Tambov region. (2007). Tambov: Department of Culture and Archival Affairs of the Tambov Region. 772 p. ISBN 978-5-98662-060-2. (In Russ.).

Proceedings of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Worker's, Soldier's and Peasant's Deputies. (1921). July 31. (In Russ.).

State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P-842, Op. 1. D. 321; F. P-834, Op. 1. D. 466; F. P-837, Op. 1. D. 635, 741, 744, 906, 907, 914, 973, 1179. (In Russ.).

State Archive of the Tambov region. F. R-5201. Op. 2. D. 1812. (In Russ.).

References

Anfertiev, I. A. (2016). The repressive policy of the Bolsheviks against the Social Revolutionaries: the peasant question in the context of the implementation of the Soviet social project in 1919 — early 1920s. according to the documents of the Central

- Committee and the Central Control Commission of the RCP (B)-the CPSU (B). In: *Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: History and modernity. Materials of the III International Scientific and practical Conference*. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology. 99—106. (In Russ.).
- Boltnev, G. G. (2017). The causes and consequences of the peasant uprising in the Tambov province (through the prism of the fate of the family). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 6—2 (80): 13—16. (In Russ.).
- Demographic and environmental problems of the history of Russia in the 20th century: collection of scientific articles / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Scientific. Council of the Russian Academy of Sciences on Ist. demography and ist. Geography*. (2010). Moscow; Tambov: TSU Publishing House. 239 p. ISBN 978-5-89016-656-2. (In Russ.).
- Eshchin, S. V. (2012). Analysis by security agencies of the causes of peasant protests and suppression of the resistance of the peasantry to the policy of Soviet power during the Civil War (based on the materials of the Penza province). *Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky humanities*, 27: 623—626. (In Russ.).
- Ivanov, D. P. (2008). “Antonov” and “non-Antonov” villages in the peasant uprising in Tambov province in 1920—1921. In: *Alternatives of the XX century: Russia and the world in search of an ideal scenario of historical development*. Tambov: Publishing House of Tambov State University. 63—76. (In Russ.).
- Nikolashin, V. P. (2022). “Post-Antonovism” as a special stage in the development of the Tambov village after the peasant uprising of 1920—1921. Based on the materials of regional archives. *Bulletin of the archivist*, 4: 997—1011. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-997-1011. (In Russ.).
- Parakhin, S. A., Bezgin, V. B. (2021). Tambov Provincial Emergency Commission in the fight against peasant protest (1918—1922). *Manuscript*, 14 (8): 1574—1578. DOI: 10.30853/mns210290. (In Russ.).
- Posadsky, A. V. (ed.). (2015). “*Atamanshchina*” and “*partisanship*” in the Civil War: ideology, military participation, personnel. *Collection of articles and materials*. Moscow: AIRO—XXI. 856 p. ISBN 978-5-91022-229-2. (In Russ.).
- Posadsky, A. V. (ed.). “*Atamanshchina*” and “*partisanship*” in the Civil War: ideology, military participation, personnel. *Atamans and leaders of civil strife. Collection of articles and materials*, 1. Moscow: AIRO—XXI. 410 p. ISBN 9785910222879. (In Russ.).
- Radkey, O. H. (1976). *The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921*. Stanford: Hoover Institution Press. 457 p.
- Shcherbinin, P. P. (2017). “Antonovshchina” through the prism of perception of children and adolescents: choosing a life path and its consequences in the first quarter of the twentieth century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 6—2 (80): 113—115. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. V., Dolgov, K. A., Skrypnikov, A. V. (2012). Pages of the history of Russia: “Antonovshchina” as a social phenomenon. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 2 (10): 50—63. (In Russ.).

- Yesikov, S. A., Kanishchev, V. V. (1993). Antonovsky nep. (Organization and activity of the “Union of the Working peasantry” of Tambov province 1920—1921). *Russian History*, 4: 69—71. (In Russ.).
- Yevgenov, S. V., Litovsky, O. S. (ed.). (1923). Bogomolkin. Tambov Banditry (Memoirs of a participant in the struggle). In: *Antonovshchina: articles, memoirs and other materials on the history of Socialist-revolutionary banditry in the Tambov*. Tambov: Publishing House of the Tambov Gubkom of the RCP “Communist”. 92—96. (In Russ.).
- Zakheartsev, S. N. (2007). *Organizational and legal foundations of the fight against crime in the RSFSR in 1921—1929*. St. Petersburg: Nestor. 160 p. (In Russ.).
- Zhirkunov, N. (1923). Tokarevsky communards. In: *Antonovshchina: articles, memoirs and other materials on the history of socialist-revolutionary banditry in the Tambov province*. Tambov: Communist. 102—105. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.12.2022,
одобрена после рецензирования 15.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.